ИНТЕРВЬЮ 24.04.2017

«Внешнеполитический фактор риска»

Карстен Фойгт, бывший координатор германо-американского сотрудничества, о внешней политике Дональда Трампа

Когда Дональда Трампа избрали президентом США, многие восприняли это как нож в сердце западных ценностей. И вот теперь уже больше десяти недель Трамп находится при исполнении своих должностных обязанностей, а мир все еще цел и невредим. Его советник Стивен Бэннон (Stephen Bannon) удален из Совета национальной безопасности. Первый визит президента Китая был успешным. Атака США на Сирию вписывается в традиционную картину политики интервенции Соединенных Штатов. Может быть, не все так плохо?

Нет, до тех пор, пока мы не сможем быть уверенными в том, что Трамп, будучи на должности президента, учится и действительно меняется, он остается внешнеполитическим фактором риска. Мы как раз переживаем момент, когда в вопросе о выборе советников и своих публичных высказываниях он сближается с республиканским большинством в Конгрессе. Его военное вмешательство в Сирии одобрено как этим республиканским мейнстримом, так и неоконсервативными и либеральными интервенционистами. Но какой стратегии придерживается президент посредством вмешательства в сирийский конфликт, по отношению к «Исламскому государству» и по отношению к России, остается до настоящего времени полностью неясным. Он является президентом важнейшей для нас страны за рамками ЕС. Но его инстинкты и основная ориентация противоречат аналогичным категориям любого социал-демократа. Так, он остается скептичным по отношению к мультилатерализму, соглашениям против изменения климата и переговорам о разоружении. Несмотря на изменения в его риторике, мы по-прежнему должны учитывать принципиально негативную позицию по отношению к ЕС и ООН. Хотя в отдельных случаях он и будет сотрудничать с партнерами, но при этом намного

сильнее, чем Барак Обама, тяготеть к единоличным решениям.

В качестве координатора германо-американского сотрудничества вам довелось работать также при других президентах. Есть ли аналогии с предшественниками, или Трамп уникален?

Я был координатором во время президентства Джорджа Буша-младшего. Это было достаточно сложно. Буш-младший – в том числе и под влиянием терактов 11 сентября 2001 года и под влиянием неоконсерваторов – применял американскую мощь в целях преобразования мира согласно американским интересам и американским ценностям. При этом он не придерживался международного права (смотрите ситуацию с Ираком). Но он представлял классическое американское миропонимание, когда трактовал использование американской силы как благодеяние не только для Америки, но и для всего мира. Это миссионерское начало существует и в демократическом, и в консервативном проявлении.

Трамп находится во власти другой традиции, которая была представлена в американской политике прошлых десятилетий лишь меньшинством в Республиканской партии. Для него речь идет не об использовании американской силы в духе мирового порядка, созданного либеральными ценностями, который одновременно служит также американским ценностям и интересам власти. Он определяет американские интересы намного более узко и националистично. Вклад Америки в мировой порядок, в права человека и демократию в других частях мира является для него второстепенным вопросом. Подход «Америка прежде всего» (America first) часто означает для него также «Америка единолично в одностороннем порядке».

Трамп олицетворяет примитивнейшую форму реалистической политики, а именно местечковый национализм

Таким подходом Трамп, по моему мнению, олицетворяет примитивнейшую форму реалистической политики, а именно местечковый национализм. Если авторитарные режимы готовы к договоренностям, которые служат американским интересам как в экономическом плане, так и в сфере внешней политики и политики безопасности, тогда и он готов к соглашениям. Поэтому было совершенно логично то, что европейские правые популисты, а также российский президент Владимир Путин аплодировали высказываниям Трампа во время предвыборной борьбы. Чем дальше Трамп в

должности президента удаляется от своих тезисов, выдвинутых в период избирательной кампании, тем тише становятся аплодисменты правопопулистов и тем сильнее возрастает признание в среде демократического большинства в Европе.

О единоличных решениях можно было бы говорить также и на тему внутренней политики. Как вы оцениваете первые официальные действия Трампа во внутренней политике? Ключевые моменты: «Запрет для въезда мусульман» «Стена на границе с Мексикой», «Дерегулирование банков» и т. д.

Во-первых, у Трампа двойственное положение относительно системы «сдержек и противовесов» (checks and balances). Однако он сталкивается с противодействиями в обществе и парламенте. Хотя эти противодействующие силы сдерживаются большинством республиканцев в Сенате и Палате представителей, а также в Верховном суде, но все же препятствуют ему в осуществлении непосредственного управления.

Во-вторых, в Америке еще до образования США существовало плюралистическое общество, которое создало свое государство с помощью Декларации независимости. Сегодня это означает, что противодействующие силы в обществе не то чтобы запугиваются, но, напротив, раззадориваются Трампом – и во внутренней политике сильнее, чем во внешней. Эти противодействующие силы Трамп пытается оттеснить на задний план, что еще больше усиливает уже имеющуюся поляризацию.

Как преодолевается эта поляризация?

Поляризация не будет преодолеваться. Каждый американский президент в течение прошедших 10-20 лет вступает в должность, провозглашая принцип надпартийности. А затем вопреки этому исповеданию своей «двухпартийности» (bi-partisanship) снова начинает проводить полную поляризацию.

В рейтинге популярности телезрителей почти исключительно частных медиакомпаний побеждают те секторы рынка массмедиа,

К настоящему времени раскол в американской политической культуре проник в общество. Он укоренился в партиях, союзах, неправительственных аналитических центрах и политической культуре и поощряется избирательными технологиями, средствами массовой информации и пожертвованиями. В США говорят о «культурных войнах» (cultural

которые принимают долевое участие в поляризации

wars). В рейтинге популярности телезрителей почти исключительно частных медиакомпаний побеждают те секторы рынка массмедиа, которые принимают долевое участие в поляризации. В наших ток-шоу эти крайности представлены тоже в гипертрофированном количестве. Но в Америке есть один телецентр для монахинь – MSNBC (Национальная радиовещательная компания) или CNN (Си-эн-эн), и один для проституток – Vox News (Фокс-Ньюс).

Когда вы говорите, что поляризация останется, следует ли из этого рекомендация того, чтобы прогрессивные силы по любому пункту оказывали сопротивление?

Нет, это было бы неправильной стратегией. Однако Хиллари Клинтон смогла мобилизовать своих потенциальных избирателей в решающих штатах хуже, чем Трамп. К тому же демократы в течение длительного времени пренебрегали своим прежними постоянными избирателями и неизбирателями, которые чувствовали для себя экономическую и культурную угрозу от глобализации. Если смотреть на все в совокупности, то выгоду от глобализации извлекла Америка, но не каждый американец.

В чем это проявляется?

Демократы пренебрегли теми, кто не имеет высшего образования, у кого ухудшились жизненные шансы и упала предполагаемая продолжительность жизни. Этот средний класс белого населения боится потерять свою культурную идентичность, так же как во Франции, или в Рурской области, или в Тюрингии. Поэтому, например, у христианских правых, более 80 процентов которых выбрали Трампа, никогда не отличавшегося особым христианским образом жизни, такую большую роль играет вопрос будущего большинства в Верховном суде.

Недостаточно сказать избирателям с такими страхами: «Не бойтесь переселенцев»

Недостаточно сказать избирателям с такими страхами: «Не бойтесь переселенцев и людей с другой культурой и религией». Или: «Ваш страх перед якобы растущей преступностью является с точки зрения статистики необоснованным». Демократы должны представлять не только избирателей, имеющих такие страхи. Им следует подтвердить и защитить экономическую и

культурную модернизацию общества и его открытость к восприятию международного развития. Одновременно с этим им надо серьезно воспринимать заботы и страхи тех, кто страдает от модернизации и глобализации или опасается их культурных последствий.

Как прогрессивная политика может серьезно воспринимать такие заботы и все же оставаться при этом левой?

Я приведу вам такой пример: в вопросе обеспечения безопасности любой ответ, который ограничивается тезисом «больше закона и порядка», был бы реакционным. Прогрессивный ответ выступает за сочетание социальной реабилитации, полицейских мероприятий и профилактики преступности. По теме миграции прогрессивным ответом было бы то, что Германия и далее должна принимать иммигрантов, но делать это не безгранично и вместе с мероприятиями по содействию интеграции. То есть признание принципиальной открытости должно сочетаться с созданием рамочных условий. Сюда относится также осознание того, что для иммиграции тоже необходимо установить пределы. Вопрос о том, как определить эти пределы, совершенно по праву будет дискутироваться. Но наша помощь африканским странам не будет, конечно, бессмысленной из-за того, что она материально и предметно ограниченна и не устраняет всех причин беженства.

Если вернуться к теме США: за Трампом все еще стоят 85 процентов республиканцев. Вы полагаете, что это изменится?

Трамп не пытается завоевать симпатии демократов, но по-прежнему стремится мобилизовать своих сторонников. До сих пор это ему в значительной степени удавалось. Я сомневаюсь, что так будет продолжаться долго, потому что не могу себе представить, как он – согласно своим обещаниям во время предвыборной борьбы – сможет направить крупные суммы на модернизацию инфраструктуры, не ошеломив тем самым группу приверженцев эффективного государства с минимальными расходами, мощно представленную республиканцам в Конгрессе. У него также отсутствуют средства, которые он ожидал получить в распоряжение за счет отмены «Обамакер» (Obamacare). Кроме того, Трамп пообещал существенное повышение оборонного бюджета. И к тому же многие республиканцы требуют снижения налогов. Все эти требования и обещания никак не согласуются между собой.

Я пока еще не вижу для Трампа никакого пути, который поможет ему перед лицом этих противоречий не потерять часть своих приверженцев, которые могут разочарованно отвернуться от него

Я пока еще не вижу для Трампа никакого пути, который поможет ему перед лицом этих противоречий не потерять часть своих приверженцев, которые могут разочарованно отвернуться от него. Он будет пытаться компенсировать атаками на демократов политическое действие этого уже сегодня предвидимого разочарования среди своих сторонников. Будет ли он при такой тактике иметь длительный успех, сомневаюсь.

Какую роль играет комплексная тематика отношений с Россией?

Среди населения все это играет относительно незначительную роль.

Это избирателям безразлично?

Нет, я так не думаю. Для американской внешнеполитической элиты это играет колоссально важную роль – как для республиканцев, так и демократов. Поведение Трампа по отношению к Путину и российской политике стало в связи с предвыборной борьбой символом его сомнительности. По сути для большинства избирателей Трампа его политика в отношении Китая важнее, чем в отношении России. Китай для США стратегически и экономически важнее, чем Россия. Тем не менее часть избирателей Трампа справедливо видит в недавнем военном вмешательстве в Сирии грубое нарушение его предвыборных обещаний, в которых он резко отвергал военные операции подобного рода.

Население не интересует даже предполагаемое вмешательство России в избирательный процесс?

Отношения с Россией имеют две грани. Одна из них такова, что если американский президент пытается скооперироваться с этой второй по величине атомной державой, то европейцы могут только приветствовать это. Для нас Россия остается важнейшим стратегическим вызовом восточнее границ ЕС и НАТО. Но то, что президент США до сих пор не подвергает критике авторитарное развитие российской политики, ее негативное воздействие на политику западных соседей, то есть наших восточных соседей, а также не высказывает никакой критики по поводу возрастания негативного отношения Путина не только к НАТО, но также и к ЕС – это мы, европейцы, обязаны

критиковать.

Уже сейчас недавнее военное вмешательство США в Сирии привело к тому, что больше никто в Вашингтоне не говорит о «медовом месяце» между Путиным и Трампом

Но если Трамп конфликтует с Путиным – тогда нет, потому что он как президент – иначе, чем многие демократы – будет ориентироваться на идею демократического мира. Конфликты Трампа с российским президентом являются следствием противоречий между конкретными национальными интересами внешней политики и политики безопасности, например, в Сирии. Уже сейчас недавнее военное вмешательство США в Сирии привело к тому, что больше никто в Вашингтоне не говорит о «медовом месяце» между Путиным и Трампом.

Что вы думаете о Рексе Тиллерсоне (Rex Tillerson) как о министре иностранных дел и о том, как он руководит Государственным департаментом? Складывается впечатление, что ничего особенного не происходит.

С новым советником по вопросам политики безопасности, генералом Гербертом МакМастером (H. R. McMaster), с назначением Фионы Хилл (Fiona Hill) ответственной за отношения с Россией и Европой, ставшей заместителем Трампа в Совете национальной безопасности (СНБ), а также с увольнением Стива Бэннона (Steve Bannon), как представляется, СНБ политически консолидировался. Этого пока нельзя сказать о Министерстве иностранных дел. Верхние этажи власти политически вообще еще не заняты. Поэтому Государственный департамент тоже едва ли попадает в сферу общественного восприятия. Будет ли сейчас Министерство иностранных дел играть в кулуарном формировании решений такую же важную роль, как в прошлом, я до сих пор сомневаюсь. Но это может измениться. Я предполагаю, что скорее Тиллерсон желал бы представлять традиционную республиканскую внешнюю политику.

Усматриваете ли вы в отходе США от международной политики по климату и от политики по вопросам торговли, в скепсисе по отношению к НАТО шанс для Европы, чтобы крепче объединиться?

Это было бы моим пожеланием. До сих пор я вижу лишь новые европейские инициативы в торговой политике и некоторые

зачатки инициатив в области климатической политики. Для действительно больших шагов в направлении общей европейской политики безопасности некая критическая дистанция по отношению к нынешнему правительству США была бы слишком слабым основанием. Совместная европейская политика безопасности требует постоянного общего концептуального понимания роли Европы в мире.

Как долго, по вашему мнению, Трамп будет оставаться у власти?

Я по-прежнему полагаю, что четыре года.

Вопросы задавали Михаэль Брёнинг и Анья Папенфус.

Карстен Д. Фойгт
Берлин

Карстен Д. Фойгт (Karsten D. Voigt) - депутат бундестага (1976-1998), внешнеполитический спикер фракции СДПГ в бундестаге (1983-1998), координатор немецкого правительства по германо-американского сотрудничества (1999-2010).